

Л. Лопатин Памяти Владимира Сергеевича Соловьева

Десять лет прошло с тех пор, как умер Вл. Соловьев, а если иметь в виду, как много испытаний, увлечений и страшных разочарований пережито русским обществом за эти десять лет, период, отделяющий нас от последних дней жизни Соловьева, невольно должен показаться еще гораздо более длинным. Во многих отношениях мы неизнаваемо изменились с тех пор, и в меру этой перемены отодвинулось от нас то, что занимало и волновало нас в годы вдохновенной деятельности Соловьева. Он и сам как будто ушел от нас далеко, но тем рельефнее обрисовываются для нас общие и основные черты его духовного облика.

Этот облик приобретает тем большую яркость, чем менее он похож на все, что мы видим перед собою теперь. Вл. С. Соловьев представлял чрезвычайно сложную – или, как теперь любят выражаться, многогранную – и в то же время очень цельную натуру. В нем сочетались, казалось бы, несовместимые противоположности, и все же образ его поражал единством основного тона и наглядно воплощал в себе одно общее коренное настроение. Глубокая религиозность с раннего детства и через всю жизнь, за исключением краткого перерыва в годы юности, – и полное свободомыслие. Напряженная сосредоточенность мощно-го и замечательно оригинального философского ума на самых трудных и возвышенных проблемах жизни и знания – и чрезвычайная общительность, делавшая его незаменимым собеседником, отзывчивым товарищем, задушевным и любящим другом. Редкая самобытность мысли, с ранних лет заставлявшая его на все смотреть по-своему, – и удивительно развитая способность усвоить и проникнуться чужими взглядами, лежавшая в основании его громадной начитанности в самых разнообразных областях, которая давалась ему как будто сама собою, без всяких особых усилий с его стороны. По существу аскетический и печальный взгляд на условия чувственного земного существования, соединенный с очень серьезной, искренней и строгой постановкой идеала душевной чистоты, – и ясная жизнерадостность, страстная пылкость темперамента, способность к беззаветным сердечным увлечениям, которые нередко проносились опустошающими бурями в его потрясенном духе. Мистическое прозрение в глубочайший смысл жизни, скорбное сознание ее внутреннего трагизма – и неиссякаемый юмор, светлая веселость, детски заразительный хохот, которого не забудет никто из знавших Соловьева лично. Изумительная терпимость к чужим мнениям, позволявшая ему близко сходить с людьми совсем другого умственного и духовного склада, чем он сам, – и горячий забор в спорах даже о незначительных предметах. Беспечность, доходящая до безалаберности, в устройстве своих личных дел – и трогательная заботливость о чужих делах, не только готовность, но и тонкое практическое умение помочь в чужой нужде. И много можно было бы привести еще таких же пар противоположностей, и все они так гармонически уживались в своеобразном единстве личности Соловьева, что его никак нельзя вообразить без них. И на всем этом лежала такая прочная и неистребимая печать внутреннего благородства, высшего аристократизма души, что он органически был неспособен подчинять свою волю каким-нибудь пошлым и низким побуждениям. Высокий строй духа был прирожден ему, и оттого в нем не поколебали его никакие житейские испытания и никакие перемены судьбы, и он донес его до могилы.

Таков был Соловьев как человек. В каких общих чертах рисуется нам в настоящее время его деятельность? И в этом отношении нас поражает его богатая многосторонность. Прежде всего это был очень крупный писатель: не только из русских философов никто не писал лучше его, он в этом отношении смело может выдержать сравнение с лучшими философскими писателями всех времен. С полным основанием можно сказать, что он создал образцовый русский философский язык, поражающий своею ясностью, меткостью, изяществом и простотою. Правда, он не сразу достиг такой высокой виртуозности философского изложения: в его первых вещах, быть может под влиянием его увлечения сочинениями корифеев немецкого идеализма, его язык иногда является чрезмерно отвлеченным, отдельные формулы кажутся загадочными и вычурными, некоторые диалектические переходы мысли представляются слишком сложными и даже искусственными. Но чем дальше развивалась его литературная деятельность, тем более он овладевал своим удивительным искусством слова. В произведениях последних лет жизни как стилист он никак не ниже Шопенгауэра. Возвышенный душевный подъем рядом с яркими вспышками благодушного юмора и беспощадной иронии, обаятельная оригинальность взглядов по всем задеваемым вопросам без всяких преднамеренных усилий быть оригинальным во что бы то ни стало, энергия и картинность оборотов речи, богатство и неожиданность сопоставлений, задушевная убежденность аргументации, глубина и простота мысли, захватывающий блеск полемических приемов – все это в них сплетается в одно неотразимое художественное впечатление. В своих «Трех

разговорах» он дал такие прекрасные образцы столь часто и обыкновенно столь неудачно применяемой фило-софскими писателями диалогической формы изложения фило-софских выводов, что их можно сравнить с лучшими диалогами Платона. Вообще, в писаниях этого времени литературный та-лант Соловьева достигает своего высшего расцвета.

Лучший русский философский писатель, Вл. Соловьев одно-временно был одним из лучших русских публицистов. По усло-виям своей литературной деятельности ему, конечно, прихо-дилось реже выступать на публицистическом поприще, чем Каткову или Аксакову, но по таланту он был едва ли ниже их. Я не говорю уже о том, что в широте своих идеалов, в своем отвращении ко всяким проявлениям самодовольного национализма, произвола и несправедливости, в своих гуманных и либеральных симпатиях, в высоте своих нравственных требований от христианской политики и христианского социального строя он имел огромное преимущество перед сейчас названными публицистами, особен-но первым из них.

Философ и публицист, Соловьев был в то же время поэт. Его стихотворения постигла своеобразная судьба. Он сам не прида-вал им значения, смотрел на них как на случайную игру своих настроений и даже как будто извинялся за них, когда издавал их в виде маленького сборника. Приблизительно так же относи-лась к ним и публика: в них видели что-то случайное, несерьез-ную забаву талантливого человека в чуждой ему области. Теперь уже невольно приходится глядеть на них иначе. Протекшее пос-ле смерти Соловьева десятилетие, несмотря на прихотливую смену литературных направлений и вкусов, оказалось над ними бессильным – они не потеряли своей красоты и свежести, они даже выросли и выдвинулись в своих оригинальных и крупных достоинствах. Физиономия Вл. С. Соловьева как поэта постепен-но определилась и получила устойчивый облик: теперь он стоит пред нами как талантливый поэт-романтик в лучшем значении этого слова. Ласкающая музыкальность стиха, оригинальность и богатство иногда загадочных образов, захватывающая искрен-ность настроения, щемящая тоска о невозвратном прошлом, не-ожиданные молнии светлого смеха, глубоко прочувствованное разочарование пред картинами окружающей реальной жизни с ее ничтожеством, глупостью и жестокостью и томительные по-рывы к нездешнему миру в его нетленной красоте – вот что со-ставляет непреходящий аромат поэзии Соловьева. Не могу здесь не упомянуть о юмористических стихотворениях Соловьева, его пародиях и шаржах, – в них он достигает такого совершенства, что к ним нельзя приравнять никаких других произведений это-го рода в русской литературе, даже талантливых произведений знаменитой компании Козьмы Пруткова. Немногим писателям удавалось так забавно играть контрастами, так непринужденно соединять торжественное с заурядным, так незаметно переходить от искренних движений лирического подъема к их карикатур-ному преувеличению, с таким драматическим пафосом громоз-дить наивные несообразности и так пронизывать эти капризные создания своего необузданного фантазирования заразительной веселостью, которая неуловимо сливается с серьезной иронией над нелепостями человеческого существования. Вообще, я ду-маю, что если бы Соловьев родился на пятьдесят лет раньше и действовал в эпоху, когда трудно было сделаться философом по профессии, из него вышел бы крупный поэт из той блистатель-ной плеяды, которая создала новую русскую литературу.

В наши дни Соловьев стал философом и проявил такую мощь и оригинальность мысли, которые во всякой более культурной стране надолго обеспечили бы ему широкую популярность и об-щее признание. Мне уже приходилось говорить раньше, что Вл. Соловьев был первым самостоятельным русским философом, что он создал свою собственную философскую систему, очень сме-лую по замыслу, тонко продуманную в своих подробностях, ко-торую приходится ценить тем более высоко, что всем ее содер-жанием он шел против господствовавших в его время течений и не побоялся пробивать свой особый путь. Он подвергает глибо-комысленной и чрезвычайно остроумной критике философские начала позитивизма, материализма, отвлеченного идеализма катковского и гегелевского типов и обнаруживает их несостоя-тельность и непригодность в качестве основ законченного миро-созерцания. Он показывает, что чувственный мир дает нам только наши собственные субъективные переживания, наши ощущения и восприятия, которые ничего нам не говорят о ре-альности вещей вне нас; что, с другой стороны, наш разум, поскольку мы захотим искать истины в его чисто отвлеченной де-ятельности, ничего не доставляет нам, кроме искусственных аб-стракций, которые также ничему нас не научат о действитель-ном существе вещей. Он показывает наконец, что истинная реальность не может заключаться во внешних материальных свойствах предметов – в их протяженности, непроницаемости и подвижности, потому что внешность есть понятие относитель-ное, – потому что все внешнее подразумевает внутреннее, – по-тому что в основе всякой внешней принудительной силы, как ее неизбежно мыслимый коррелят, лежит самоопределяющаяся внутренняя сила. Ничто объективное невозможно без субъекта, ничто материальное немислимо без духа. Итак, только духу принадлежит настоящая

действительность: все, что кажется не-духовным, с неизбежностью вырастает из духовных отношений. Внутренняя духовность всякого бытия, реальность только духовного – в этом первая и основная метафизическая идея ми-росозерцания Вл. С. Соловьева. А к ней с неизбежностью примыкает вторая идея: о всеединстве сущего. Если все реальное ду-ховно, то и первое начало вещей есть бесконечный дух. Бог есть живой, свободный дух, он – творческая любовь. Он создает мир как нечто отличное от него и в то же время близкое к нему, дол-женствующее осуществить в себе полноту его мысли и его воли. Поэтому он не только начало самого себя и своей единой жизни, он в то же время начало и всего различного от него, всего, что обладает какою бы то ни было реальностью, – он всеединое аб-солютное, которое все в себе объединяет. Мир потому только существует, что в нем должен реализоваться идеал совершенно-го творения. Но мир, как мы наблюдаем его, далеко не отвечает такому представлению об идеальном совершенстве: во всем его строе ярко сказываются следы колоссальной трагедии – вели-кого отпадения твари от своего божественного источника. Все-ленная рисуется нашему чувственному опыту резкими чертами внутреннего распада: в ней все раздвинуто и разрознено про-странством и временем, отдельные ее элементы замкнуты в себе и непроницаемы друг для друга, она вся охвачена слепой сти-хийной борьбой, протекающей по железным законам механиче-ской необходимости. Таким мир дан нам, но не таким он должен быть. Извращение, внесенное в бытие грехопадением мировой души, не может продолжаться вечно. Бог есть любовь. Он хочет правды и добра, а не злобы, гармонии, а не борьбы и эгоизма. Он создал мир, чтобы в нем иметь свое живое подобие, а не отрица-ние, и мир должен выполнить это свое назначение. Этим опре-деляется внутренний смысл мирового процесса в его целом: он состоит в постепенном просветлении и одухотворении темных стихий, в возрастающем уподоблении природы божественному замыслу. В этом внутреннем преобразении вселенной централь-ное место принадлежит человеку как одновременному носителю природных стихий в своем телесном организме и потенций Бо-жественного разума в своем духе. На человеке лежит грандиоз-ная задача спасения и внутреннего освящения мира. Но она явно не по силам человеку природному, который в своей чувственности и своем эгоизме сам поработен темными стихиями мира; толь-ко человек, всецело возвысившийся над таким рабством и сво-бодный от него, человек, сделавший волю Божию своею волею, может действительно обожествить мир. Таков Богочеловек, и он явился в истории человечества в лице Иисуса Христа, и с тех пор космический процесс повернулся в своих внутренних двигате-лях. Дальнейшая задача человечества в том, чтобы оно все освя-тилось и очистилось, и не только в отдельных людях, но и в своем целом – во всех подробностях своей церковной, общественной и экономической организации. И когда это наступит, тогда про-бьет великий час освобождения мира от рабства мрака. Вселен-ная изменится: из нее исчезнет бездушная борьба, исчезнет стра-дание, исчезнет смерть, и созданный Богом мир явит собою истинное воплощение вечных идеалов добра и красоты. В этом спасении всего живого чрез Богочеловечество заключается окон-чательный смысл идеи о Богочеловечестве, третьей руководящей идеи в мирозерцании Соловьева, которая представляет связу-ющее звено между его философским и религиозным учением.

Философские исследования Соловьева составляют, как я ду-маю, самую прочную и незыблемую часть его жизненного дела. Это, конечно, не значит, что он не высказывал мнений, иногда очень спорных, и что его система и в своем целом не вызывала никаких возражений. Но все же мне кажется, что как бы ни менялись индивидуальные настроения философов, но если толь-ко философия будет решать свойственные ей вопросы, а не отво-рачиваться от них, философские сочинения Соловьева никогда не потеряют своей огромной цены. Этому служат ручательством чрезвычайная своеобразность его взглядов, тонкость и широкая многосторонность его философских анализов, глубина, остроу-мие и неотразимая сила его аргументации: такие качества долж-ны быть дороги в глазах каждого мыслителя, каких бы взгля-дов он сам ни держался. Точно так же его величественное, поэтическое, полное задушевной, пламенной убежденности ми-росозерцание не может бесследно затеряться между другими порождениями искренних и серьезных дум над вековыми проблемами человеческой мысли.

Тем досаднее, что в философском творчестве Соловьева по-следовал продолжительный перерыв, и оно через это осталось не-законченным, что литературная деятельность только первые семь лет была сосредоточена на философии, а потом он только мимоходом касался чисто философских проблем и вернулся к ним опять лишь в последние годы своей жизни. В его последних философских трудах намечается какая-то важная перемена в его мирозерцании, он как будто делает серьезные принципиаль-ные уступки своим прежним противникам, но в чем эта перемена состояла и к чему бы она привела, так и осталось невыясненным: смерть вырвала его в самом начале его попыток пересмотреть свои прежние взгляды. В промежутке

между этими двумя пери-одами Соловьев был весь охвачен религиозными, даже церков-ными вопросами в связи с вопросом о национальном значении России, и они вовлекли его в долговременную и тяжелую борь-бу, которая принесла ему много горя и неприятностей, но не дала внутреннего удовлетворения.

Как это могло случиться? Я укажу на две интересные особен-ности в душевном складе Соловьева. Прежде всего, он обладал необычайным реализмом мистического сознания. Это был на-стоящий мистик, непосредственно воспринимавший близость и полную действительность невидимого духовного мира, что неред-ко выражалось у него в различных аномальных переживани-ях. Эта сила мистического чувства давала религиозным вопро-сам в его глазах исключительно важное и совершенно реальное значение. Во-вторых, у него была непоколебимая вера в близкое завершение исторического процесса. В этом он сходилсЯ со сво-им современниками: вера в историю, в прогресс, в скорое и окон-чательное торжество над жизнью всех культурных идеалов и во-дворение среди людей земного рая представляла своего рода религию русских интеллигентных слоев второй половины про-шлого века. В годы юности, в эпоху увлечения материализмом, эта вера у Соловьева не имела ничего мистического: он просто был очень последовательным и убежденным социалистом. Но потом, с общей переменой мирозерцания, она приобретает все более мистический колорит и сливается с преобразованною ве-рою во второе пришествие. Подобно хилистам первобытной цер-кви, Соловьев удивительно конкретно был убежден в близости великого переворота, которым должен закончиться космический и исторический процесс. Этот переворот предносился его вооб-ражению как торжество свободной теократии, т. е. полного осуществления Божественной правды в организации человечества. Какими историческими путями может водвориться на земле ис-тинный, свободный теократический строй? И в решении этого вопроса у Соловьева можно отметить два периода. Сначала он держался широкого мистического толкования и предвидел в скором будущем интенсивное излияние высших духовных сил, которые направят человечество к его верховному назначению. Но действительность не оправдала этих надежд, а между тем вера в близкий переворот у Соловьева все-таки не поколебалась. Тог-да он стал искать среди существующих исторических сил такую, которая была бы наиболее приспособлена к тому, чтобы органи-зовать человечество на христианском идеале, и остановился на римском католичестве: ведь именно католичество в прошлой че-ловеческой эволюции представляет главное русло развития хрис-тианства и важнейший очаг его культурных влияний; именно в католичестве все государственные и общественные силы прин-ципиально подчинены высшему духовному авторитету, и оно всегда стремилось к реализации такого подчинения. И вот Соло-вьеву стало казаться, что в соединении церковью под главенством папы лежит ближайший путь к свободной организации челове-чества на началах христианской правды.

Был ли Соловьев католиком? Несомненно, он им не был, как бы искренно ни доказывали иногда его обращение в католичест-во. Он постоянно и настойчиво отрицал свой переход в католи-ческую Церковь, а он был человек правдивый и не лгал никогда. Когда он умирал, он позвал православного священника, испове-довался у него и причастился, хотя не было никаких препятст-вий пригласить католического. Вообще, в католической Церкви он ценил ее организаторскую мощь в человеческом обществе, но он решительно отрицал, чтобы только в ней одной было возмож-но спасение. Он всецело примыкал к тому взгляду, что вероис-поведные перегородки до неба не доходят, и думал, что спастись можно во всякой Церкви, даже во всякой религии. Он верно го-ворил мне о себе: «Меня считают католиком, а между тем я го-раздо более протестант, чем католик». В проповеди соединения церковью под главенством папы за-ключался источник жизненной драмы Вл. Соловьева. Для него это соединение представляло не только теоретический интерес, в его немедленном осуществлении он видел историческое назна-чение России и весь смысл предшествующей эволюции челове-чества. И вот в своих призывах к столь важной, в его глазах, задаче он остался совсем одиноким: за единичными исключения-ми, за ним никто не пошел. Но прежние единомышленники относились к его проповеди или равнодушно, или прямо враждебно. Его новые союзники высоко ценили его беспощадную полемику с падающим славянофильством и приверженцами существующего церковного строя и восхищались его блестящей защитой свободы слова и веротерпимости, но соединением церковью они интересовались еще менее, чем его противники. К тяжелому нравственному одиночеству у Соловьева с течением времени по-степенно присоединилось горькое разочарование в деле, за кото-рое он так долго и горячо ратовал. В его «Повести об антихристе» ясно видно, как поблекли его надежды на будущее возрождение Церкви.

Что сказать об окончательных результатах деятельности Вл. С. Соловьева? Он очень много дал – особенно в философии. Самостоятельная русская философия начинает с него свое суще-ствование, и она сразу получила в его лице первостепенного

Лопатин Л. Памяти В.С. Соловьева filosoff.org
мыслителя. В вопросах исторических, церковных, общественных он часто колебался, быть может, заблуждался и обманывался. До-пустим все это – ведь нет в самом деле на свете непогрешимых людей. Но он был честный, пламенный, неутомимый искатель правды на земле, и он верил, что она сойдет на землю.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!